

ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ КИТАЙЦЕВ И ЯПОНЦЕВ В МЕМУАРАХ ИЗРАЭЛЯ ЭПШТЕЙНА

Е.В. Сенина

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД
России), Москва, Россия; e.senina@ty.mgimo.ru*

Аннотация: В статье раскрывается образ восприятия китайцев и японцев в период японо-китайской войны (1931–1945), представленный в воспоминаниях журналиста Израэля Эпштейна, человека, внесшего огромный вклад в распространение китайской культуры за рубежом в XX веке. В работе впервые в отечественном литературоведении проводится анализ воспоминаний автора «Китай в моих глазах». С точки зрения литературоведения и этнопсихологии произведение представляет собой большой интерес для дальнейшего изучения в научных кругах. Как носитель нескольких ментальностей (еврейской, русской, английской), Израэль Эпштейн отразил опыт непосредственных контактов с китайцами и японцами в очень сложный для Китая исторический период — период войны Соппротивления японским захватчикам и коренной ломки многовекового социального и политического уклада китайцев. Образ восприятия китайцев и японцев, отраженный в воспоминаниях Эпштейна, в значительной степени дополняет имеющиеся представления о двух нациях в указанный временной период. Автор статьи приходит к выводу, что исходя из этнических стереотипов и установок, а также самоидентификации, через опыт личных контактов, настроенный на революционные преобразования в Китае И. Эпштейн выразил свою поддержку и эмпатию простому китайскому народу, представив его в положительном свете. Образ восприятия японцев в произведении представлен в негативном ракурсе, основным концептом для которого определена «жестокость».

Ключевые слова: образ восприятия; китайцы; японцы; Израэль Эпштейн; мемуары

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-14

Для цитирования: Сенина Е.В. Образ восприятия китайцев и японцев в мемуарах Израэля Эпштейна // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 163–174.

THE PERCEPTION OF THE CHINESE AND THE JAPANESE PEOPLE IN THE MEMOIRS OF ISRAEL EPSTEIN

Ekaterina V. Senina

MGIMO University, Moscow, Russia; e.senina@my.mgimo.ru

Abstract: This article explores perceptions of the Chinese and Japanese people during the Sino-Japanese War (1931–1945), as presented in the memoirs of Jewish journalist Israel Epstein, a man who made a significant contribution to the dissemination of Chinese culture abroad in the 20th century. The aim of the research is to study and analyze the image of perception of Chinese and Japanese people in the work of Israel Epstein. The material of the study is the memoirs of Israel Epstein *My China Eye*. This work is the first in Russian literary studies to analyze the author's memoirs *My China Eye*. The research methods include historical-genetic, historical-cultural, structural-semantic, and immanent analysis of the fiction text, as well as biographical and translation approaches. The results of the study describe how from the perspective of literary studies and ethnopsychology, this work is of great interest for further study in academic circles. As a bearer of several mentalities (Jewish, Russian, and English), Israel Epstein reflected on his experience of direct contact with the Chinese and Japanese people during a very difficult historical period for China — the Sino-Japanese War and the radical upheaval of the centuries-old social and political order of the Chinese people. The perceptions about Chinese and Japanese people reflected in Epstein's memoirs significantly complement existing understandings of the two nations during this period. The author concludes that, based on ethnic stereotypes and attitudes, as well as self-identification, and through personal experiences, Israel Epstein, who was committed to revolutionary change in China, expressed his support and empathy for ordinary Chinese people, portraying them in a positive light. The work presents a negative view of the Japanese, with the key concept being "cruelty".

Keywords: image of a nation; Chinese; Japanese; Israel Epstein; memoirs

For citation: Senina E.V. (2026) The Perception of the Chinese and the Japanese in the Memoirs of Israel Epstein. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 163–174.

В последнее десятилетие развивается научный интерес к изучению проблем образов восприятия, в частности, в литературе. Это подтверждается недавно изданной фундаментальной монографией «Русские и китайцы: образы взаимного восприятия в литературе» [Забияко, Сенина 2025]. Так как этническое сознание всегда интенционально направлено на познание «другого» и самопознание в конечном счете, то исследовать «чужую» культуру необходимо исходя из принципов работы этнического сознания, — так происходит лучшее понимание своей собственной культуры. Литература является важным и ценным источником «этнографических реконструкций и коммуникативной прогностики» [Забияко, Сенина 2025: 11],

а сознание писателя, осмысливающего «другую» культуру, «переходя от одного явленного факта этничности к другому, классифицирует их по степени близости или чуждости так, что в итоге создает комбинацию этнических феноменов, в которых узнает само себя или чуждое, иноэтническое» [Забияко 2003: 225]. Подобного рода исследования не только помогают ученым изучать культурную дихотомию «свой» / «чужой» — сравнивать культуры, искать общие точки межкультурного диалога [Райнхардт 2020: 15], понимать различия культур, они также помогают исследовать проблемы этнического, межкультурного взаимодействия в аспекте взаимодействия нескольких «чужих» культур. В своих предшествующих работах мы изучали образы восприятия русских в китайской литературе и наоборот — образы восприятия китайцев в русской литературе [Забияко, Сенина 2021: 166–171; Сенина 2017: 158–166]. Следующим шагом нам представляется любопытным изучить образы восприятия китайцев (а в данной работе еще и японцев) в *других* литературах. Так, объектом данного исследования стали мемуары еврея и журналиста Израэля Эпштейна.

Актуальность и новизна статьи определяется тем, что в работе впервые анализируются воспоминания Израэля Эпштейна [Эпштейн 2020]¹. Журналист И. Эпштейн внес весомый вклад в развитие китайской журналистики и распространение китайской культуры за рубежом [Ся Минсин, У Хуньлунь 2005: 46–49; Сунь Цзиньцзюнь 2021: 68]. Однако в отечественной науке отсутствуют исследования его биографии и творчества. В этой связи было определено проблемное поле данного исследования, а именно — рассмотрение образов восприятия китайцев и японцев в мемуарах И. Эпштейна.

Объектом исследования выступают мемуары И. Эпштейна «Китай в моих глазах: воспоминания еврея и журналиста Израэля Эпштейна» (*My China Eye: Memoirs of a Jew and a Journalist*) [Epstein 2005]. Книга была написана в Пекине в 2003 г. на английском языке, опубликована в 2005 г. китайским издательством *Long River Press*, в том же году переведена на китайский язык переводчиками Шэнь Сужу, Цзя Цзунъи, Цянь Юйжунь. На русском языке опубликована в 2020 г., перевод на русский язык осуществлен Тао Лицзяо, Чжан Цзыжуй, Жэнь Сяошунь. Данное исследование проведено с опорой на русскоязычную версию книги. Мемуары Эпштейна, насколько нам известно, прежде не выступали объектом исследования в российских и зарубежных специализированных трудах.

¹ Ниже воспоминания цитируются по этому изданию, страницы указываются в тексте в круглых скобках после цитаты.

Как известно, за любым словесным образом стоит личность, которая его создала и которая налагает на него свой неповторимый отпечаток. Создание художественного образа у каждого писателя зависит от его мировосприятия, контекста эпохи, личности самого автора, окружающей социокультурной среды, направления литературы, художественных традиций предшественников и авторского новаторства [Роднянская 1987: 13], авторской точки зрения [Тамарченко 1999: 430]. В этой связи необходимо обратиться к биографии писателя.

Израэль Эпштейн (1915–2005) родился в Варшаве в семье еврейского коммуниста. Его родным языком был *русский*. С двух лет жил в Китае — в Харбине, где, по словам самого Эпштейна, он получил свое единственное образование на русском языке. Детский сад, который посещал маленький Израэль, открыла бывшая жена революционного поэта Сергея Алымова. Благодаря усилиям директора садика и матери будущего журналиста он выучил русский алфавит и рано начал читать. Это очень сильно повлияло на самосознание и, в конечном счете, на самоидентификацию Эпштейна, хотя в начальной школе он начал учиться уже на *английском языке*. Юность провел в Тяньцзине, где встал на путь журналистики. С 15 лет работал в русской ежедневной «Утренней газете», где переводил на русский язык пресс-релизы разных информационных агентств. Позже в военное время (1938–1943) жил и работал в Нанкине, Ухане, Гуанчжоу, Сянгане, Чунцине, Яньане в качестве корреспондента разных иностранных изданий, освещал события японо-китайской войны. Важно отметить, что у Эпштейна долгие годы не было гражданства, так как семья оказалась в Китае сразу после Октябрьской революции. Это обстоятельство часто помогало журналисту в разных ситуациях. С 1945 по 1951 г. жил и работал в США, но «не прижился» там, так как идеологически был коммунистом. В 1951 г. вернулся в новый Китай, в 1957 г. получил гражданство КНР, а в 1964 г. стал одним из немногих иностранцев-членов Коммунистической партии Китая. Китайская культурная революция не обошла Эпштейна стороной — с 1969 по 1973 г. находился в тюрьме. С 1979 г. — главный редактор журнала «Китай на стройке», издававшегося на многих языках. В 1983 г. избран членом Народного политического консультативного совета Китая. Умер в Пекине в 2005 г.

Важно отметить этническую, религиозную и идеологическую установки писателя. Сам себя считал евреем и постоянно это подчеркивал: «хотя по нации мы не русские, а евреи (мы гордимся этим)» (с. 57), но с детства мыслил и говорил *по-русски*. Для поколения его родителей русский язык и образование на русском языке стали путем приобщения к прогрессивной идеологии внешнего мира. «Я мно-

го говорил по-русски и жадно читал произведения на русском языке. Хотя я не получил официального образования на русском языке, моя мать научила меня многому, и потом я никогда этого не забывал» (с. 74). Во взрослые годы больше писал и работал на английском языке. Как и его родители, был убежденным атеистом, религиозные праздники не отмечали, но семья совершенно по-еврейски вела быт, а религиозного влияния еврейская культура на него не оказала. Идишем и ивритом не владел, хотя родители разговаривали на идише и очень любили этот язык. Китайским языком не владел, по крайней мере, в молодости. Как и многие эмигранты, Эпштейн отмечает, что жизнь в Китае, особенно в Харбине и в концессии Тяньцзиня была замкнутой. В молодости он ничего не знал об истории Китая, но мог спокойно перечислить все штаты и президентов США, не знал ни одной китайской династии и провинции, не разбирался в китайской литературе, не смотрел китайские фильмы, то есть никакого представления о глубине китайской культуры не имел. Был убежденным коммунистом. Личный опыт Эпштейна сильно повлиял на восприятие им китайцев и японцев.

С самого детства и на протяжении долгих лет Эпштейн наблюдал не только за революционными преобразованиями в Китае, но и за реальной, неэкзотической жизнью простых китайцев. И, как сам отмечает автор, «реальность в Китае нанесла удар и по мне, и этот факт взят не из книг — я испытал его на себе» (с. 75). «Пока мне не исполнилось десять лет, в Китае год за годом происходили то внутренняя война, то голод, и я видел, как худые беженцы в отрепьях хлынули в Тяньцзинь. Некоторые требовали еды со слезами на глазах, иные продавали детей в рабство, чтобы не умереть от голода. Одним холодным зимним утром по дороге в школу я увидел у арочного входа одного двора тело мальчика моего возраста (12 лет), он свернулся и уже зачоченел» (с. 75).

В юности его особо не интересовали проблемы Китая, он был устремлен к революционным идеям Запада, изучал марксизм. Однако антипатия к колониализму все больше сдвигала Эпштейна в сторону Китая и китайцев. Помимо коммунистических идей, которыми был движим автор воспоминаний, китайцы стали ему близки еще и потому, что он видел в них общность со своим народом — с евреями. Эпштейн искренне сочувствовал китайцам, нации, которая в том момент находилась под гнетом внешних сил. Японо-китайская война (1931–1945) усилила у него чувство сострадания к простым китайцам, подвергшимся фактически геноциду, подобному тому геноциду, который в годы Второй мировой войны совершался по отношению к евреям [Гао Лэцай 1999: 114–125].

Общей чертой, которой характеризовал Эпштейн евреев и китайцев, было «отсутствие страха». Говоря о преследовании евреев в период гражданской войны в России и позже, он писал: «все выражали гнев и горе, но только не страх» (с. 60), а о китайцах, например, во время японских бомбардировок в Нанкине: «перед лицом агрессии Японии был проявлен бесстрашный дух» (с. 105) или: «...нанкинцы не испугались. Каждый раз, когда вражеский бомбардировщик был поражен китайским истребителем или зенитным орудием и падал вниз... восторженная толпа всегда бросалась на место происшествия несмотря на опасность» (с. 103). И действительно, обращаясь к трудам по этнопсихологии, мы можем проследить схожие этнические установки и стереотипы двух народов: приверженность семье, стойкость нации, предприимчивость, ценность образования, высокий уровень адаптивности и сохранение своей этнической идентичности в сложных исторических реалиях [Стефаненко 2004: 152]. Эти факторы, вероятно, повлияли на формирование у Эпштейна положительного образа восприятия китайцев. История убедила его в том, что «китайская революция неразрушима», несмотря на то, какие неудачи она переживает.

Ценность воспоминаний Эпштейна состоит еще и в том, что он описывает разные стороны социальной жизни и политической ситуации в Китае. В подобных воспоминаниях других авторов чаще можно встретить одностороннее мнение относительно, например, политического управления в стране. Эпштейн же рассуждает как о положительных, так и об отрицательных сторонах двух главенствующих партий — Гоминьдана и набирающей силу КПК. Но если к КПК Эпштейн все-таки испытывал симпатию как коммунист, то Гоминьдан он не столько осуждал, сколько констатировал существующие факты, с которыми приходилось смиряться, подстраиваясь под них в работе. Например, говоря о гоминьдановской газете «Текущие события Пекина», Эпштейн отмечает, что хотя редакция обладала определенным правом голоса по техническим вопросам и обработке сообщений иностранных телекоммуникационных агентств, но у нее не было такого права относительно новостей внутри страны, было запрещено критиковать гоминьдановскую антикоммунистическую гражданскую войну (с. 91).

Как корреспондент иностранных изданий Эпштейн много ездил по Китаю и, конечно же, фиксировал для себя различия и колорит китайских городов. Пекин произвел на него неизгладимое впечатление, свидетельствуя об истории Китая «во всю глубину и широту». Жизнь в Пекине побудила Эпштейна к изучению китайской культуры и распространению этих знаний, он начал писать о Китае для

более широкой аудитории — для иностранных и для китайских читателей, проживающих за рубежом.

Годы расцвета журналистской деятельности Эпштейна пришлось на японо-китайскую войну, поэтому описания Китая, китайцев и японцев в этот период связаны с военной тематикой. Даже при описании гражданского населения мотив войны все же преобладает. Так, войной определено все, что видит журналист, прибыв в Нанкин. «В центре города Нанкин на первый взгляд мне показалось, что бедных людей в лохмотьях, которых хватало по всему Китаю, просто нет. Но вскоре я заметил их — они жили в водопроводных трубах или во временных шалашах на открытых пространствах» (с. 104). Война объединяет китайцев. Эпштейн отмечает, что до войны было два Нанкина. Один из них — новая столица, полная высокомерия. «Широкие аллеи, нарядные офицеры в белых перчатках, неспешно разъезжающие в брендовых автомобилях, высококлассные чиновники и вечно занятые толстые бизнесмены, живущие в номерах люкс на американский манер» (с. 104). Другой Нанкин — старый, становящийся все беднее. «Теперь каждый сбитый вражеский самолет был общей победой старого и нового Нанкина, и это особенно воодушевляло бедных и беженцев» (с. 104), потому что бедные больше всего пострадали от войны, а беженцы, которые были вынуждены покинуть родину из-за разрушения своих домов, больше всего ненавидели японцев. Война на какое-то время объединила две противоборствующие партии, Гоминьдан и КПК. 1937–1938 гг., по мнению Эпштейна, были лучшими годами объединения сил двух партий. Так, 18 сентября 1937 г. на шестую годовщину со дня вторжения Японии в три северо-восточные провинции, в Нанкине состоялось массовое шествие и прозвучал «Марш добровольцев», который в то время был запрещен в районах под управлением Гоминьдана, а впоследствии стал гимном Нового Китая. Смягчились репрессии против революционно настроенной молодежи, арестованные уже не подвергались пыткам и убийствам, а могли быть отпущены спустя неделю. В 1938 г. в Ухане, например, можно было спокойно купить книги лидеров КПК и обсуждать их публично, чего раньше невозможно было и представить. Совместная победа в Тайэрчжуане подняла моральный дух китайского народа, и с этого момента был взят курс на победу.

Не сдавался и Гуанчжоу. Во время бомбардировок города свою работу не прекращали не только добровольцы, скорая помощь Красного Креста, пожарные, но работали даже чайные и кинотеатры, устраивались антифашистские выставки картин. Люди собирались на улицах, жертвовали деньги на антияпонскую войну, женщины часто отдавали свои драгоценности. Говоря об этом, Эпштейн вновь

повторяет, что китайцы испытывали гнев, но только не страх: «Вспоминая те времена, я осознаю, насколько сильным был моральный дух масс в Гуанчжоу не только в самый тяжелый момент, но и после, когда японская армия вела десантные бомбардировки» (с. 130).

Эпштейн много рассуждает о тактике ведения войны регулярной армией Гоминьдана, коммунистической армией и партизанскими отрядами. Наблюдения и постоянное присутствие в зоне боевых действий и партизанской зоне приводят его к умозаключению, что при поддержке народа армия с простейшим вооружением и снаряжением может победить даже армию с превосходным оружием, которая не получает поддержки со стороны народа.

Описывая простых китайцев, автор всегда внимателен к деталям, особенно этнопсихологическим. В каждом районе Китая, в каждом городе, где побывал журналист, он подмечал те особенности китайцев, которые едва ли можно встретить в книгах об особенностях китайской нации и национальной психологии. Например, описывая рикш в городе Чанша, Эпштейн подметил следующее: «В других городах Китая рикши всегда бегут быстро, чтобы угодить пассажирам. В Чанше же все не так: они просто быстро ходят. Если пассажиры требуют ускориться, то они просто бросают повозку со словами: “Пожалуйста, сойдите и бегите сами!”» (с. 124). По мнению автора, это результат успешной забастовки профсоюза рикш и символ революционного духа середины 1920-х. Довольно емко, но точно описаны и жители Гуанчжоу: они ниже и стройнее, чем их соотечественники на севере, полны энергии, носят солнечные очки, быстро и громко разговаривают, эмоциональны, но не «взвинчены».

Образ японцев у Эпштейна с самого начала имеет отрицательные коннотации. История знает много примеров описания японских бесчинств в годы японо-китайской войны [Балакшин 2013: 245; Николаева 2016: 187]. Работая в англоязычной ежедневной газете «Текущие события Пекина», Эпштейн публикует «Отчет о расследовании», в котором описывает, как среди китайских жителей в Тяньцзине японцы систематически расширяли торговлю героином. Каналами продаж была группа небольших магазинов иностранных товаров, а действия велись от лица японских бизнесменов — согласно неравным договорам, иностранные бизнесмены находились вне контроля китайского законодательства. «Вначале эти магазины бесплатно предлагали покупателям сигареты, в которые тайно всыпался героин, и, когда те впадали в зависимость, то становились постоянными покупателями. Эти магазины предлагали широкий ассортимент товаров на витринах, от конфет до велосипедов, а некоторые из комнат в задней части были временными комнатами для

приема наркотиков» (с. 87–88). Подобные публикации журналиста сразу же сделали Эпштейна «неудобным», и как «слишком прокитайский» он быстро подвергся преследованию со стороны японских властей. Не раз Эпштейну приходилось не только публиковаться не под своим именем, но и скрываться, а однажды даже инсценировать собственную смерть, чтобы избежать участи быть схваченным и убитым японцами.

На протяжении всей книги Эпштейн характеризует японцев как «безжалостных японских захватчиков» (с. 90), а их действия как «жестокую японскую полномасштабную агрессию» (с. 96), описывает, как японцы сознательно бомбили большую больницу Красного Креста, заполненную местными пациентами и ранеными солдатами: «Их реальное намерение было в том, чтобы сломить моральный дух Нанкина и показать всем, пускай даже раненым и больным, что смертельной участи им не избежать» (с. 103). Описывал он и применение химического оружия: «я увидел некоторых солдат, ставших жертвами запрещенного международным сообществом оружия. Горчичный газ разъел их кожу до множества маленьких отверстий, как сыр, глубоко до невыносимой боли» (с. 103).

Фиксирует автор и намерения японцев по отношению к китайской территории: «агрессоры пытались сохранить самые роскошные и подходящие для жизни места, чтобы занять их после оккупации. Там, где подобные дворцам постройки соседствовали с простыми домами, бомбы всегда падали на последние» (с. 104).

В течение 6–7 лет интервенции местное население было морально вымотано действиями японцев, но все изменила битва под Тайэрчжуаном. Для японских агрессоров их неудача в Тайэрчжуане стала потрясением, их «боевой дух был сломлен», однако «дух этих самураев не умер окончательно» (с. 122). «Дух самураев» — важная этнопсихологическая характеристика японцев, она показывает, что Эпштейн понимает национальный характер японцев, как бы негативно он к ним ни относился. Этот «дух самураев» проявлялся особенно явно, когда японский солдат оказывался в ситуации слабого и поверженного: примечательно описание раненого японского солдата, который был настолько предан своему императору и «отравлен пропагандой японских военных», что пренебрег возможностью скрыться, стремясь к «славной смерти».

Впрочем, Эпштейн утверждает, что некоторые из японских военнопленных осознали, что японская агрессия наносит ущерб не только китайскому, но и японскому народу: «В прошлом они были верны мифу об императоре, а теперь стали лояльными к новым идеям» (с. 122). (В районах под управлением КПК велась работа

с японскими военнопленными: им предлагали вернуться на родину или остаться в Китае, и многие выбирали последнее.)

Нередко автор сравнивает японцев с нацистами: «с помощью воздушного террора японцы хотели сломить волю Гуанчжоу. С их жестокостью может сравниться лишь воздушная бомбардировка Гитлером Испанской Республики» (с. 126).

Среди национальных черт японцев Эпштейн особенно выделяет «жестокость»: даны детальные подробности их действий по отношению к китайцам и иностранцам, жившим в Китае.

Образы восприятия китайцев и японцев, запечатленные в воспоминаниях Эпштейна, отразили опыт непосредственных контактов журналиста и коммуниста с китайцами и японцами в период серьезных социально-политических трансформаций в Китае. Ориентированный на революционные преобразования в Китае, Эпштейн сочувствовал простому китайскому народу и выражал ему свою поддержку. Еврейский журналист попытался уловить то, что делало китайцев понятными ему: приверженность семье, стойкость нации, сохранение своей этнической идентичности в сложных ситуациях. Фиксируя яркие приметы «чужого» в китайцах и японцах, проецируя восприятие двух народов на собственные этнические стереотипы и установки, Эпштейн создал глубокий образ восприятия китайцев; образ японцев в целом стал типичным для литературы времени войны Сопротивления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакишин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. М., 2013.
2. Забияко А.А., Сенина Е.В. Русские и китайцы: образы взаимного восприятия в литературе. М., 2025.
3. Забияко А.А., Сенина Е.В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. № 18 (1). С. 166–171.
4. Забияко А.П. Категории «свой» — «чужой» в этническом сознании // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. № 5. С. 224–228.
5. Николаева Н.Н. Японцы. Рига, 2016.
6. Райнхардт Р.О. Новые формы и методы дипломатии // Международная аналитика. 2020. Т. 11. № 4. С. 11–20.
7. Роднянская И.Б. Автора образ // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
8. Сенина Е.В. Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 158–166.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М., 2004.
10. Тмарченко Н.Д. Точка зрения. Введение в литературоведение. М., 1999.

11. Эпштейн И. Китай в моих глазах: воспоминания еврея и журналиста. СПб., 2020.
12. Gao Lecai. Анализ национальной политики Японии по «миллионной миграции» // Исторические исследования. 1999, № 3 (12). С. 114–125. (高乐才.日本「百万户移民」国策评析[J].历史研究, 1999. № 3 (12): 114–125).
13. Сунь Цзиньцзюнь. Посвятил жизнь написанию истории Китая — Израэль Эпштейн // Партийное строительство. 2021. № 10. С. 68–69. (孙进军.伊斯雷尔·爱泼斯坦:倾尽一生书写中国故事[J].党建, 2021 (10): 68–69).
14. Ся Минсин, У Хунлунь. «Моя родина — Китай»: столетняя связь Эпштейна с Китаем // История партии. 2005. № 5. С. 46–49. (夏明星,吴宏伦.中国是我的家——伊斯雷尔·爱泼斯坦与中国的世纪情缘[J].党史纵横, 2005 (5): 46–49).
15. Epstein I. My China Eye: Memoirs of a Jew and a Journalist. Long River Press, 2005.

REFERENCES

1. Balakshin P.P. *Final v Kitae: vzniknoenie, razvitie i ischeznoenie beloј emigracii na Dal'nem Vostoke* [Final in China: The Emergence, Development, and Disappearance of White Emigration] Vol. 2. Moscow, 2013. 1024 p. (In Russ.)
2. Epshtejn I. *Kitaj v moih glazah: vospominaniya evreya i zhurnalista Izraelya Epshtejna* [My China Eye: Memoirs of a Jew and a Journalist]. SPb., Nestor history Publ, 2020. 375 p. (In Russ.)
3. Epstein I. My China Eye: Memoirs of a Jew and a Journalist. Long River Press, 2005. 360 p.
4. Gao Lecai. Analysis of Japan's "Million-Household Immigration" National Policy. *Historical Research*. 1999, no 3 (12), pp. 114-125. (In Chin.)
5. Nikolaeva N.N. *Yaponcy* [The Japanese]. Riga, 2016. (In Russ.)
6. Reinhardt R.O. Novye formy i metody diplomatii [New forms and methods of diplomacy]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics]. 2020, no 4, pp. 11-20. (In Russ.)
7. Rodnyanskaya I.B. Avtora obraz [Author's image]. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* [The literary encyclopedic dictionary]. Moscow, 1987. (In Russ.)
8. Senina E.V. Obraz Rossii i russkih v «Putevyh zametkah o novoj Rossii» Qu Qiubai [The image of Russia and Russians in the "Travel notes about new Russia" by Qu Qiubai]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern affairs]. 2017, no 4, pp. 158-166. (In Russ.)
9. Stefanenko T.G. *Etnopsihologiya: uchebnik dlya vuzov* [Ethnopsychology: textbook for universities]. M.: Aspekt Press Publ, 2004. 368 p. (In Russ.)
10. Sun Jinjun. Israel Epstein: Dedicated His Life to Writing the China Story. *Dang Jian*. 2021, no 10, pp. 68-69. (In Chin.)
11. Tamarchenko N.D. Tochka zreniya [Point of view]. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary criticism]. Moscow, 1999. 430 p. (In Russ.)
12. Xia Mingxing, Wu Honglun. China is My Home: Israel Epstein's Century-Long Connection with China. Over the Party History. 2005, no 5, pp. 46-49. (In Chin.)
13. Zabiako A.A., Senina E.V. Hudozhestvennyj obraz vospriyatiya inokul'tury kak kategoriya imagopoetiki [Imagery perception of foreign culture as a category of imagological poetics]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. [The humanities and social studies in the Far East]. 2021, № 18 (1), pp. 166-171. (In Russ.). doi: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-166-171. (In Russ.)

14. Zabiyaiko A.A., Senina E.V. *Russkie i kitajcy: obrazy' vzaimnogo vospriyatiya v literature* [Russians and Chinese images of mutual perception in literature]. Moscow: VKN Publ, 2025. 448 p. (In Russ.). doi: 10.54449/9785907938083.
15. Zabiyaiko A.P. Kategorii «svoj» — «chuzhoj» v etnicheskom soznanii [The categories of “own” — “alien” in ethnic consciousness]. *Russia and China at the Far Eastern borders*, 2003; 5, pp. 224–228. (In Russ.)

Поступила в редакцию 18.02.2026

Отредактирована 18.04.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 18.02.2026

Revised 18.04.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Владимировна Сенина — к.ф.н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков МГИМО МИД России, e.senina@my.mgimo.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Senina — PhD, Associate Professor, Department of Chinese, Vietnamese, Burmese, Thai, Laotian and Khmer Languages, MGIMO University, e.senina@my.mgimo.ru